

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Н. В. ХИСАМУТДИНОВА

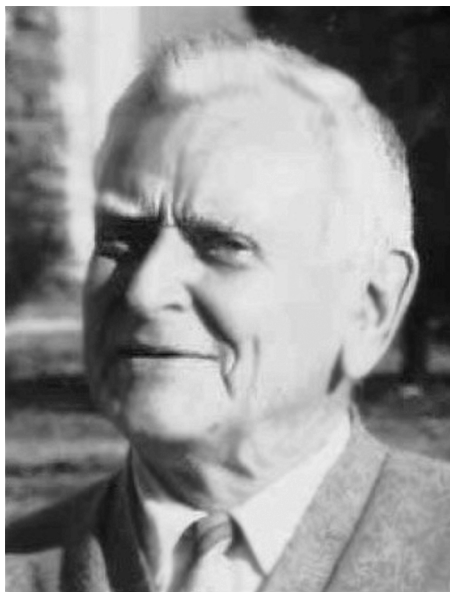
МАКСИМ КОНРАДОВИЧ ЕЛИАШЕВИЧ (1889–1982): АМЕРИКАНСКАЯ СУДЬБА РУССКОГО ГЕОЛОГА

Статья рассказывает о научной деятельности выпускника петроградского Горного института М. К. Елиашевича, главного геолога Верх-Исетских заводов и преподавателя Уральского горного института. Оказавшись в период Гражданской войны на Дальнем Востоке, он в течение трех лет вел масштабные геологические исследования в окрестностях Владивостока, а затем продолжил работу в США, куда уехал осенью 1922 г. Статья вводит в научный оборот новые биографические данные о Елиашевиче и его вкладе в геологическую и палеонтологическую науку США, а также ряд материалов по истории геологических исследований на российском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: геология, Дальний Восток, Дальгеолком, освоение угольных месторождений, русские в США, Геологическая служба США.

По-разному складывались судьбы русских людей, занесенных волной эмиграции в Америку. Оставим в стороне тех, кто не смог забыть пережитое и, не найдя себе места на чужбине, коротал дни в тоске по утерянной родине. Многие приезжали с желанием начать все с нуля, и США предоставляли возможности для этого. Большинство русских, как и Елиашевич, не знали английского языка, а потому на новом месте предпочитали держать синицу в руках и не думать о журавлях в небе. Найдя подходящую работу и обретя материальное благополучие, они на этом успокаивались и забывали о былых устремлениях. Надо отдать должное Елиашевичу: он избрал другой путь. Несмотря на трудности, которых ему немало встретилось при обустройстве в США, он не отступил от своих планов посвятить жизнь геологии и сделал все для того, чтобы осуществить их.

Максим Конрадович Елиашевич родился 30 июля (12 августа) 1889 г. в семье старшего врача Минского лазарета. В 1917 г. он окончил Горный институт

*М. К. Елиашевич в 1960-е гг.
Фото любезно предоставлено Дэниэлем
Мерьямом (США)*

в Петрограде сразу по двум отделениям – горному и геологическому¹ и уехал на Урал. Здесь он устроился геологом на Верх-Исетские заводы, находившиеся недалеко от Екатеринбурга, а вскоре стал также доцентом Уральского горного института (УГИ)². Молодой вуз, начинавший второй учебный год, был озабочен подбором научно-педагогических сил. Скорее всего Елиашевича как перспективного исследователя пригласил туда ректор УГИ П. П. Веймарн, знавший его в качестве способного студента Горного института³.

Вместе с другими преподавателями Елиашевич с энтузиазмом включился в организацию учебного процесса, в частности, занялся созданием институтского геолого-минералогического музея. Вскоре его избрали на должность исполняющего дела профессора по кафедре кристаллографии⁴. Не оставляя он и практическую деятельность, уже в качестве главного геолога Верх-Исетских заводов. Но работа молодого исследователя и горного инженера Елиашевича на Урале оказалась недолгой: в сентябре 1919 г. после решения правительства А. В. Колчака эвакуировать УГИ на Дальний Восток он в числе других преподавателей и студентов оказался во Владивостоке.

К этому времени Владивосток уже был наводнен беженцами из разных регионов России, среди которых было много профессоров высшей школы и технических специалистов. Их усилиями к 1919 г. на Дальнем Востоке были открыты несколько учебных заведений, в том числе Владивостокский политехнический институт, в штат которого Елиашевича сразу же включили в качестве исполняющего обязанности профессора. Он оставался членом Русского геологического комитета, а с образованием во Владивостоке Дальгеолкома (1920) стал сотрудничать и с ним.

Гражданская война не способствовала устойчивости учебного процесса. Значительная часть бюджета Дальневосточной республики использовалась на военные нужды. Средства на содержание института почти не поступали: их хватало только на оплату хозяйственных расходов. Преподавателей, которые получали зарплату крайне нерегулярно, выручали случайные заработки, главным образом работа по заявкам то одной, то другой компании.

Дальневосточный регион в тот период представлял собой слабо изученную в геологическом отношении территорию, несмотря на то что исследования здесь начались еще в середине XIX в. Основными объектами изучения были местные сырьевые ресурсы, прежде всего каменный уголь. При отсутствии на Дальнем Востоке научных учреждений Политехнический институт получал множество заявок от предприятий и организаций на проведение исследований. Занимался этой работой и Елиашевич. Заказчиков прежде всего

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 963. Оп. 1. Д. 111741. Л. 66.

² Ныне Уральский государственный горный университет.

³ Петр Петрович фон Веймарн (1879, Петергоф – 1935, Шанхай) – после окончания Горного института (1908) и защиты диссертации (1908) адъюнкт-профессор по кафедре физической химии, с 1911 г. – экстраординарный профессор. С 1 сентября 1915 г. – председатель Строительной комиссии, исполняющий должность ректора Уральского горного института, затем ректор. В 1919–1922 гг. во Владивостоке, затем в Японии (похоронен в Кобе).

⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

интересовали вопросы практического характера, но ученый использовал эту возможность и для того, чтобы уточнить и дополнить результаты геологических исследований, проводимых здесь предшественниками.

Большую часть времени и энергии он отдавал изучению отложений юрского периода в окрестностях Владивостока, где в основном велись разработки угольных месторождений. Этот район, как выяснил Елиашевич после первых же поездок, представлял для геолога обширнейшее поле деятельности. Он писал:

Укажу на замечательно удачную, для интересов геологии, скученность отложений самого разнообразного возраста на ничтожной сравнительно территории полуострова Муравьева-Амурского и сопредельных берегов залива Петра Великого. Обилие обнажений вдоль сильно развитой здесь береговой линии (а также иногда и в глубине материка) вместе с достаточными (для опытного геолога) различиями этих отложений и по петрографическому их составу, и по находимым почти во всех этих отложениях то флористическим, то фаунистическим остаткам, – позволяют изучить все эти отложения (при условии настойчивости и детальности наблюдений) со всей той полнотой, которая позволяет:

1. Ясно и недвусмысленно охарактеризовать каждый ярус осадочных отложений, как со стороны литологической, так и со стороны ископаемой флоры или фауны.

2. Подсчитать мощность этих ярусов.

3. Установить их стратиграфическое взаимоотношение.

Одним словом, здесь возможно, не разбрасывая геологических наблюдений на обширную территорию, к тому же почти не тронутую культурой, составить в короткое сравнительно время полную (или, скажем для осторожности, почти полную) шкалу местных осадочных отложений, с которой возможно будет сопоставлять отдельные наблюдения и исследования в различных пунктах местного края и которую, с другой стороны, можно будет с уверенностью сопоставлять с подобными же шкалами осадочных отложений соседних стран ⁵.

В начале 1920 г. по заданию Дальгеолкома Елиашевич распространил свои исследования на северный берег Амурского залива, остававшийся к тому времени неизученным. Зима выдалась на редкость снежной, что затрудняло работу, но геологу удалось найти необходимый материал, произвести подсчеты, выявить последовательность в напластовании отложений. Одновременно он изучил юрские угленосные отложения на восточном берегу залива около станции Океанская, впервые описанные П. В. Виттенбургом. Возвращаясь в город после работы в поле, Елиашевич немедленно приступал к обработке наблюдений: составлял на основе их геологические карточки, сопоставлял полученные им данные с теми, что уже имелись. То и дело ему приходилось сомневаться в выводах, сделанных предшественниками, или вовсе опровергать их, и тогда исследователь заново сопоставлял материалы, проверяя уже

---

⁵ *Елиашевич М. К.* Возраст и качество южно-уссурийских ископаемых углей: Объяснительная записка к «Идеальному геологическому разрезу земной коры в районе побережья Амурского залива». Владивосток, 1922. С. 61.

себя. Попутно перед ним возникали новые вопросы, на основании которых он разрабатывал план дальнейших действий.

Результатом этой работы стала единая схема всех угленосных районов территории. Уже весной 1920 г. Елиашевич докладывал Дальгеолкому об основных результатах и демонстрировал составленную им геологическую карту и схему разрезов западного берега Амурского залива, на которой изобразил напластования отложений юрского и триасового периодов. Показал он и образцы пород, характерных для каждого горизонта, дав при этом подробное описание петрографического состава напластований, на основании чего и было произведено разделение на горизонты. Главнейшим практическим результатом этой работы стало установление в юрских напластованиях двух продуктивных горизонтов, тогда как согласно заключениям предшествующих исследователей, в частности Д. И. Мушкетова ⁶ и П. В. Виттенбурга ⁷, в юре считался продуктивным только один горизонт.

Осенью 1920 г. по поручению горнорудной компании Б. Ю. Бринера Елиашевич приступил к исследованию Монгугайского антрацитового рудника на юге Приморья (около пос. Барабаш) и его окрестностей в поисках коксующихся углей. Задание было успешно выполнено к середине лета 1921 г., после чего ученый до зимы руководил дальнейшей разведкой. Исследователь столкнулся с немалыми трудностями, связанными со сложным геологическим строением местности, наличием целого ряда угленосных горизонтов, сложной тектоникой и распространенностью изверженных пород. Вместе с тем именно эти особенности подсказали Елиашевичу единственный, по его мнению, путь к разрешению некоторых жизненных для местных угольных предприятий вопросов – это максимально подробное изучение района с точной привязкой всех геологических данных ⁸.

Стиль работы исследователя хорошо характеризуют написанные им строки:

Прослеживание осадочных отложений района шаг за шагом, как вкрест их простирания, так и по простиранию, производилось мною везде, где только была к этому малейшая возможность [...] Некоторые наиболее запутанные (со сложной стратиграфией и тектоникой) места, с трудом под-

⁶ Дмитрий Иванович Мушкетов (1882–1938). Окончил Горный институт в Санкт-Петербурге (1907). Участвовал в исследованиях на Дальнем Востоке.

⁷ Виттенбург Павел Владимирович (1884, Владивосток – 1968, Ленинград) летом 1908 г. был командирован во Владивосток для изучения полуострова Муравьева-Амурского в геологическом отношении, отчет послужил основой для докторской диссертации. Летом 1909 г. исследовал триасовые отложения в Уссурийском крае. В 1911 г. – главный геолог на строительстве Владивостокской крепости. Защитил диссертацию на звание магистра минералогии и геогнозии в Юрьевском университете (1912). За книгу «Геологическое описание полуострова Муравьева-Амурского и архипелага императрицы Евгении» (Петроград, 1916) получил степень магистра минералогии и геологии от Харьковского университета и награжден Малой премией им. Н. М. Ахматова (1917). Осенью 1917 г. совершил недельную экскурсию в окрестностях Владивостока, написав «Геологические исследования в заливе Петра Великого. Новые данные по геологии Дальнего Востока» (Известия Российской академии наук. Сер. 6. 1918. С. 1237–1244).

⁸ Елиашевич. Возраст и качество южно-уссурийских ископаемых углей... С. 6.

дававшиеся увязке с соседними районами, подверглись соответственно особенно упорному и многократному изучению моему, и в конце концов при накоплении фактического материала мне удалось наконец с ними справиться и уложить их отложения в общую схему⁹.

Огромную работу Елиашевич провел по поручению Дальгеолкома и на крупнейших в крае Сучанских угольных копях, открытых в 1888 г. Горный инженер Д. Л. Иванов¹⁰, руководитель экспедиции, производившей предварительную разведку и пробную добычу угля, оценил их как наиболее серьезное угольное месторождение на Дальнем Востоке¹¹. В начале 1920-х гг. добыча угля велась там на нескольких шахтах, но многие сведения об особенностях месторождения, запасах угля и его качестве устарели и нуждались в корректировке.

В результате упорной и кропотливой работы Елиашевич смог не только ответить на вопросы, поставленные перед ним эксплуатационниками, но и дать общую картину тектоники месторождения, составив точные геологические разрезы районов добычи угля, определить мощность и качество угленосных отложений в районе каждой шахты, а также произвести подсчет запасов всего Сучанского месторождения¹². В ходе исследований и разведок геолог собрал обширную коллекцию углей, пород, ископаемых растений и животных, которую передал в Дальгеолком вместе с копиями своих дневников, схем, зарисовок. Часть этих материалов сохранилась: ныне они хранятся в Приморском краевом государственном объединенном музее имени В. К. Арсеньева (Владивосток). Но многое, увы, было утеряно во время Гражданской войны.

Окончательные результаты исследований в окрестностях Владивостока Елиашевич отразил на схеме «Идеальный геологический разрез земной коры в районе побережья Амурского залива», подготовленной к изданию в двух вариантах – на русском и английском языках. Она давала наглядное представление о порядке напластований различных горных формаций в указанной местности, а также о максимальной мощности отложений. Ученый снабдил работу подробным комментарием, который был отпечатан по его инициативе и на собственные средства в 1922 г. тиражом 200 экземпляров. Саму же схему издать не успели: вскоре после установления в Приморье советской власти Елиашевич с женой Еленой Григорьевной и сыном Максимом уехал в США.

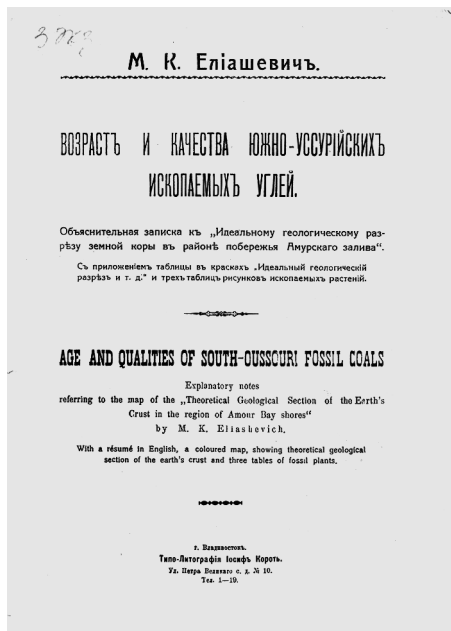
Прибыв туда в ноябре 1922 г., семья остановилась в Сан-Франциско, где Максим Конрадович устроился чертежником в Тихоокеанскую газозлектрическую компанию (*Pacific Gas and Electric Co.*). Немалую роль сыграли способности геолога к рисованию: он всегда сам иллюстрировал свои работы

⁹ Там же.

¹⁰ Иванов Дмитрий Львович (1846–1924) – горный инженер, геолог. Начальник Южно-Уссурийской горной экспедиции (1888–1893). Исследовал Сучанское каменноугольное (ныне г. Партизанск) и Ольгинское железорудное месторождения.

¹¹ Иванов Д. Л. Ископаемые угли Южно-Уссурийского края и Сучанское месторождение в особенности // Известия Общества горных инженеров. 1894. № 4. С. 24–45.

¹² Елиашевич М. К. Отчет по изучению Сучанского каменноугольного месторождения в районе современных эксплуатационных работ // Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока. 1921. № 23.

Титульный лист книги М. К. Елиашевича «Возраст и качество южно-уссурийских ископаемых углей», изданной во Владивостоке в 1922 г.

зарисовками отпечатков ископаемых растений. Вскоре Калифорнийская академия наук уже привлекала его к изучению окаменелостей на местных угольных месторождениях. Окончательно на работу по специальности Елиашевич перешел в 1928 г., устроившись в геологоразведочную компанию «Этнайр эксплорейшн» (*Etnyre Exploration Co.*), работавшую на территории штатов Канзас и Колорадо. Через год он уже числился геологом и фитопалеонтологом Геологической службы штата Канзас (*Kansas Geological Survey*): эти организации начали создаваться при университетах различных штатов США во второй половине XIX в.

Будучи государственной организацией, Геологическая служба требовала от своих сотрудников прикладных разработок, которые можно было немедленно использовать на производстве. С другой стороны, нахождение при университете давало возможность

проводить теоретические научные исследования. Такое сочетание вполне устраивало Елиашевича, который помимо всего прочего стал читать студентам курс палеонтологии. Вскоре после устройства на работу его направили на запад Канзаса для исследования отложений мелового и третичного периодов округа Уэллис (*Wallace County*). По результатам этой поездки он подготовил свою первую американскую публикацию. Она появилась в 1930 г. в «Бюллетене Американской ассоциации геологов-нефтяников»¹³. Этот год примечателен еще одним важным событием в жизни Елиашевича: весной он принял американское гражданство, сократив свое имя и став Максимом Конрадом Илайасом (*Maxim Konrad Elias*).

После 1930 г. работы ученого из России выходили практически ежегодно. Он напечатал подробный геологический обзор округа Уэллис, материалы о растениях третичного периода штатов Канзас и Колорадо, о пермской флоре района древнего моря, когда-то находившегося на территории Канзаса¹⁴. По свидетельству наших современников, этими материалами до сих пор

¹³ *Elias, M. K.* Origin of Cave-ins in Wallace County, Kansas // *American Association of Petroleum Geologists Bulletin*. 1930. Vol. 14. P. 316–320.

¹⁴ *Elias, M. K.* The Geology of Wallace County, Kansas // *Kansas Geological Survey Bulletin*. 1931. No. 18; *Elias, M. K.* Grasses and Other Plants from the Tertiary Rocks of Kansas and Colorado // *Kansas University Science Bulletin*. 1932. Vol. 20. Pt. 2. P. 333–367; *Elias, M. K.* Depth of Deposition of the Big Blue (late Paleozoic) Sediments in Kansas // *Geological Society of America Bulletin*. 1936. Vol. 48. P. 403–432.

пользуются все, кто проводит геологические работы в этом районе¹⁵. Вклад русского геолога в науку был признан в США: в 1933 г. он получил грант Национальной академии наук на продолжение исследований.

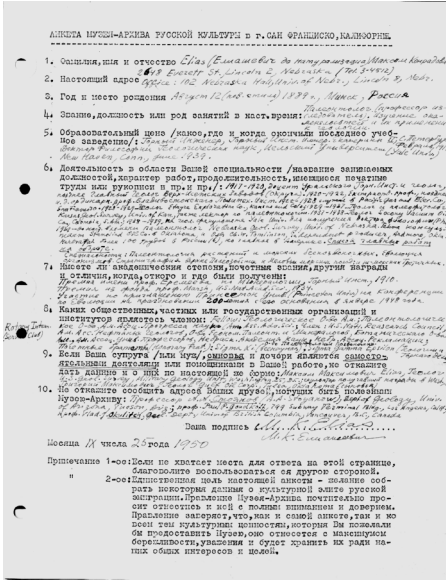
В Канзасе Илайас-Елиашевич работал под руководством Р. К. Мура (*R. C. Moore*), государственного геолога и директора Геологической службы с 1916 г. Это был человек, широко известный не только научными достижениями в области геологии, но и талантом организатора. Елиашевича и Мура многое объединяло, и они тесно сблизились, даже подружились семьями. В середине 1930-х гг., когда на территории Западного Канзаса была обнаружена пермская флора, они активно сотрудничали, но потом отношения с американским коллегой разладились. По одной из версий причиной стал развод Мура с женой и его новый брак – со своей секретаршей. Супруги Илайас, питавшие теплые чувства к жене Мура, расценили его уход из семьи как предательство и не захотели прощать ему этого¹⁶.

В 1937 г. Елиашевич уехал из Канзаса в Южную Америку и в течение года работал в нефтяной компании «Сокони» (*Socony Vacuum Oil Co.*) в Колумбии на разведке месторождений нефти. В США он вернулся с твердым намерением защитить диссертацию по теме «Травы третичного периода высокогорных равнин и их связь с геологией района» (*Tertiary Grasses of the High Plains and Their Relations to the Geology of the Region*). Материал для нее собирался раньше, и в России, и во время работы в Канзасе. На его обработку у геолога ушло около года, который он провел на факультете геологии Йельского университета, и в 1939 г. диссертация на степень доктора философии была успешно защищена.

Вскоре после защиты диссертации по приглашению государственного геолога штата Небраска Дж. Кондры (*G. Condra*) Елиашевич стал работать палеонтологом в Геологической службе этого штата (*Nebraska Geological Survey*), переехав с семьей в г. Линкольн. Его исследования на новом месте явились продолжением работ в Канзасе, правда, здесь ученый стал еще более углубленно заниматься вопросами палеоботаники и палеоэкологии. Так, большая часть его публикаций начала 1940-х гг. относится к области бриологии и посвящена ископаемым мхам. Он также преподавал в местном университете в должности профессора и консультировал по вопросам палеонтологии различные американские компании, занимавшиеся разведкой и добычей полезных ископаемых, в частности, «Стандард Ойл» (*Standard Oil Co.*). Как признанного специалиста в области геологии и палеонтологии его привлекали и к работе в ряде крупных американских организаций: Национальном научно-исследовательском совете (*National Research Council*), Комитете по проблемам генетики, палеонтологии и систематики (*Committee on Common Problems in Genetics, Paleontology and Systematics*), Комитете по проблемам морской экологии и палеоэкологии (*Committee on a Treatise on Marine Ecology and Paleocology*).

¹⁵ Merriam, D. F. Memorial to Maxim Konrad Elias (1889–1982) // Geological Survey of America Memorials. 2000. Vol. 31. P. 74.

¹⁶ Lesnikowska, A. Maxim Konrad Elias (1889–1982) // Geological Society of America. Memoir 185. 1995. P. 171.

Анкета М. К. Елиашевича для Музея-архива русской культуры (Сан-Франциско, США)

С сентября 1950 г. Елиашевич стал сотрудничать с Музеем-архивом русской культуры в Сан-Франциско. Эта общественная организация была создана в 1948 г. русскими эмигрантами для сбора и хранения всевозможных культурно-исторических материалов о родине. К этому времени стало очевидным, что сталинская Россия устояла и возможности вернуться туда скорее всего не будет. Тогда-то и было решено собрать в одном месте вывезенные из России реликвии и документы. Чтобы получить сведения о культурной элите русской эмиграции, организаторы Музея русской культуры распространили среди выходцев из России специальную анкету. Заполнил ее и Илайас-Елиашевич, сообщив в ней свои биографические данные и приложив подробный список трудов. Про род занятий он написал: «Изучение окаменелостей и их применение в геологии»¹⁷.

На пороге своего 70-летия, в 1958 г., геолог из России вышел в отставку, получив звание почетного профессора Университета Небраски, однако от научной работы не отказался. Он продолжил ее в исследовательском институте Оклахомского университета (г. Норман), где получил должность адъюнкт-профессора и хорошие условия для занятия наукой. Его последние работы вышли в свет в 1960-е гг.

Елиашевич отличался разносторонними интересами и состоял во многих общественных научных организациях: Геологическом и Палеонтологическом обществах Америки, Американской ассоциации по развитию науки (*American Association for the Advancement of Science*). Периодически он посещал встречи в Ботаническом обществе Америки и Академии наук Небраски, где выступал с сообщениями о результатах своих исследований и участвовал в дискуссиях.

Современники отмечают, что он обладал критическим складом характера и не упускал случая упрекнуть маститых ученых, если считал их работы слабыми. Особенно же доставалось от него молодым исследователям, склонным делать скороспелые выводы. Сам профессор работал очень тщательно, особенно по биостратиграфии, не терпел ни малейшей небрежности в описаниях и неточности в использовании стратиграфических терминов. Вместе с тем он всегда поддерживал начинающих ученых и охотно давал им рекомендации для вступления в научные общества¹⁸.

¹⁷ Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция анкет. Анкета Елиашевича М. К. (*M. K. Elias*) от 25 сентября 1950 г.

¹⁸ *Lesnikowska*. Maxim Konrad Elias... P. 171.

Часто участвовал русский геолог и в международных научных форумах. Его последнее выступление относят к 1971 г., когда он побывал в Германии на 7-м Конгрессе по проблемам каменноугольного периода (*7th Carboniferous Congress*). Возможно, на международных конференциях ему доводилось встречаться и с другими геологами из России, теми, кто уехал после революции в эмиграцию, и теми, кто остался на родине. Известно, что он сохранял связи с коллегой по Уральскому горному и Владивостокскому политехническому институтам П. П. Гудковым, который уехал в США в 1921 г. и жил в Лос-Анджелесе.

Поддерживал он научные контакты и с коллегами из СССР, даже принимал их у себя во время командировок в Америку. Рассказывают, что однажды зимой, ведя машину по ледяной дороге, профессор так углубился в беседу с советскими гостями, что совсем позабыл о руле и чуть было не попал в аварию. Пассажиры испугались и отказались продолжать путь, пока не выручил студент-помощник, пересевший на место водителя ¹⁹.

По воспоминаниям коллег, он был довольно замкнутым человеком и оживлялся, только когда речь заходила о геологии, которой он посвятил всю долгую жизнь. В 1962 г. Геологическое общество Канзаса организовало поездку в горы на юго-востоке штата. Был приглашен и Елиашевич. В свои 73 года он сохранял отличную физическую форму: первым из участников экскурсии добрался до вершины горы и не успокоился, пока не осмотрел все отложения, выходящие на поверхность.

В Линкольне Елиашевич провел почти десять лет, работая в музее штата (*Lincoln State Museum*) при Университете Небраски. Уйти на покой его заставило ухудшение здоровья, и в 1981 г. ученый перебрался в г. Эльянс (*Alliance*), штат Небраска, где и умер 6 мая 1982 г.

Русская семья вырастила троих детей, младшие – Григорий (Грег) и Роксана – родились уже в США. По воспоминаниям детей, отец был настоящим трудолюбивым. Когда они приезжали домой на летние каникулы, он привлекал их к сбору окаменелостей, а по вечерам они в основном видели его склоненным над микроскопом в своем кабинете. Оба сына тоже стали геологами, как хотел отец. Старший, Максим, погибший в автокатастрофе, работал в Вашингтоне, столице США. Он имел талант скульптора и вместе с женой-художницей устроил несколько выставок. Работа Григория была связана с разведкой и добычей нефти ²⁰. В звучании имени дочери тоже можно услышать геологические мотивы: *rock* – по-английски «гора, камень, скала». Она по-прежнему, но уже под фамилией мужа, живет в США – по последним данным, в том самом Эльянсе, где находятся могилы ее родителей.

Американские исследователи, работавшие рядом с русским геологом, считают, что его вклад в науку остался в США не до конца оцененным: он не получил никаких наград, хотя считается инициатором нескольких новых направлений в геологических исследованиях, вклад в каждое из которых достоин особого признания. Его называют одним из немногих, кто досконально изучил огромное количество ископаемых окаменелостей, относящихся к раз-

¹⁹ Там же. С. 172.

²⁰ Архив автора. Письмо Д. Мерьяма (*Daniel Merriam*, Канзас, США) от 12 декабря 2010 г.

ным эрам геологической истории. Считая основным периодом своих исследований поздний палеозой, он отлично знал и все остальные ²¹.

Можно только удивляться и тому объему работы, которую геолог успел провести за три года на Дальнем Востоке – при бездорожье, отсутствии связи и техники, в нестабильной обстановке Гражданской войны. Видимо, помогли огромная работоспособность, присущая исследователю с молодости, хорошая школа, увлеченность и преданность любимому делу. К сожалению, работы Елиашевича, как и многих других истинных ученых и интеллигентов дореволюционной России, оказались практически вычеркнуты из истории революцией. Они до сих пор не нашли должного отражения в истории науки на Дальнем Востоке. Между тем на примере этого исследователя становится понятной та глубина нравственной, научной, экономической катастрофы, постигшей Россию в результате Октябрьской революции, последствия которой мы явственно ощущаем и сегодня.

---

²¹ *Lesnikowska. Maxim Konrad Elias... P. 172.*